

ЧАСТЬ 1

1

1914: Неподалеку от Каира

МОЛОДОЙ ДОКТОР еще никогда не встречал столь обворожительной женщины, как та, которая лежала с ним сейчас. Ее страсть была ненасытной. Она неустанно жаждала его, и ее неумное желание казалось таким неукротимым, как жажда самой жизни.

Когда несколько дней тому назад он в первый раз посетил ее палату, его уверяли, что она неминуемо умрет. «Она обгорела с головы до ног», — причитали медсестры. Тело ее было извлечено из-под груды ящиков с самого дна товарного вагона. Никто не знал ни кто она такая, ни как долго ехала в этом поезде. И самое главное — как она вообще могла остаться жива.

Однако, когда он откинул полог москитной сетки, он увидел ее, настолько красивую, что, как ему тогда показалось, красота ее просто ослепила его. Черты ее абсолютно неповрежденного лица были совершенны, волнистые волосы, разделенные посередине пробором, напоминали две темные пирамиды по обе стороны ее головы. В сознании его почему-то промелькнули слова «судьба» и «рок». Впрочем, он тут же пристыдил себя за то, что возбуждился при виде ее сосков, проступавших под прикрывавшей ее простыней.

— Вы очень красивый мужчина, — прошептала она.

Может быть, она была падшим ангелом? Иначе как еще можно объяснить такое чудесное исцеление? Как объяснить

полное отсутствие болей и проблем с потерей ориентации? Но было и еще кое-что: ее произношение. Идеальный, безукоризненный британский английский. А когда он спросил, есть ли у нее тут друзья, с которыми следовало бы связаться, она ответила очень странно и несколько загадочно: «Да, друзья у меня есть. А также есть условленные встречи, где я должна быть. И еще кое-какие счета, по которым нужно расплатиться».

Но больше об этих своих друзьях она не упоминала, вплоть до того времени, когда он увозил ее из того отдаленного поселения где-то на краю Судана. Эти часы, когда он сломя голову бросился в ее объятия, целиком отдавшись во власть по-змеиному волнообразных движений ее безупречного тела, были незабываемыми.

Поначалу она настаивала, чтобы они отправились в Египет. Когда же он поинтересовался, не в стране ли фараонов находятся ее друзья, о которых она упоминала, она ответила просто: «У меня много друзей в Египте, доктор. Их там великое множество». И снова улыбнулась своей обезоруживающей улыбкой.

Она обещала, что в Египте приоткроет часть своей тайны.

Она сказала, что в Египте объяснит ему, как может обходиться без сна, почему способна поглощать пищу в огромных количествах в любое время суток и при этом не набирать ни фунта веса. А также, возможно, даст какое-то объяснение пронзительно синему цвету своих глаз, столь редко встречающемуся у женщин средиземноморской внешности.

Но поделится ли она с ним самой любопытной подробностью о себе? Назовет ли она ему свое имя?

— Теодор, — тихо сказал он ей сейчас.

— Да, — отозвалась она. — Тебя зовут Теодор Дрейклифф. Славный британский доктор.

После всего времени, что они провели вместе, это выглядело так, словно они едва знакомы. Как будто слова эти содержали информацию, которую она должна была себе постоянно напоминать.

— Ну, полагаю, в глазах своих коллег я не такой уж и славный, — вздохнул он. — Славный доктор не станет бросать свой

госпиталь без всяких объяснений. И не сбежит с прекрасной пациенткой не раздумывая.

На это его замечание она не откликнулась снисходительным хихиканьем, какого можно было бы ожидать от большинства тех невыносимо скучных женщин из Лондона, на которых его хотели женить его родители. А она просто молча устремила на него свой синий взгляд. Возможно, она не поняла его иронии или же почувствовала, что он далеко не все ей рассказывает.

Его репутация в клинике была определенно неважной. Он хорошо поработал в том отдаленном поселении, однако в эту глушь был сослан из-за чудовищной ошибки, которую несколько лет тому назад допустил по молодости. Сразу после окончания медицинской школы, отчаянно стремясь продемонстрировать свою компетентность перед старшими коллегами, он, начиная уже с первых дней своей практики, не соизволил снизойти до того, чтобы задать своим опытным сослуживцам ни одного профессионального вопроса, задать которые следовало бы. В результате он едва не оставил калек одной свою пациентку, прописав ей недопустимую дозу лекарства.

Впрочем, «недопустимая» — это еще мягко сказано, потому что его коллеги для описания случившегося использовали другие эпитеты. Например, смертельная, также преступная. Он чудом остался практиковать, только по милости божьей. Его жестоко распекали за то, что свое тщеславие он поставил выше здоровья пациентки, и согласились не давать огласки его проступку только при условии, что он либо вообще откажется от медицинской практики, либо уедет из Лондона.

Их жалкое лицемерие вызвало в нем чувство горького удовлетворения. Им было все равно, навредит ли он еще кому-нибудь где-то на другом конце света, лишь бы только последствия этого не прокатились по всей Британской империи и не ударили по ним.

«Вот уж действительно тщеславие», — подумал он тогда.

Вот так молодой доктор и начал практиковать в местах, которые его прежние коллеги по профессии называли «африканской глушью». Когда он приехал сюда, он был другим: дерзким, заносчивым, но в то же время избалованным и испорченным.

Африка изменила его, продемонстрировала ему слабости Британской империи и пределы ее влияния, открыла ему чудесные явления, которым христианская церковь в его юности не дала не только объяснений, но даже названий.

Например, она. Действительно, о ней было проще думать как о явлении природы, чем как о живом человеке.

Само слово «человек» было для нее слишком прозаичным, чтобы описать всю ту невероятную магию, которую являло собой это существо.

И тем не менее, даже когда они лежали голые, переплетаясь руками и ногами, а лицо ее сияло счастливым блаженством, мысли его все равно были заняты вторым в его жизни и, похоже, роковым для него скандалом, который он, несомненно, вызвал своим внезапным исчезновением из госпиталя.

В первый раз на то, чтобы избежать громкой огласки, на путешествие до Судана и на расходы в первые месяцы после переезда ему хватило относительно небольшой суммы денег. Теперь же он был не в состоянии точно оценить, во что ему в конечном счете обойдется потеря профессиональной репутации. И мог ли он вообще такое себе позволить. О том, чтобы вернуться домой, к своей семье, не было и речи. Когда он подсчитал издержки этого путешествия, оказалось, что у него практически не осталось денег даже на проживание. Аренда двух автомобилей — один для палаток, продовольствия и нанятых рабочих, второй для них самих — плюс оплата двух шоферов. Провианта и воды достаточное количество, хватит на много дней. А может, не хватит, если непомерный аппетит его прекрасной спутницы в какой-то момент не уймется. А еще динамит. Несколько ящиков угрожающих динамитных шашек.

Однако она пообещала ему, пообещала всем им, что того, что они найдут в конце своего пути через эту пустыню, хватит с лихвой, чтобы погасить все свои долги раз и навсегда.

Было тихо, лишь полог палатки похлопывал под ветром, веющим из пустыни. Издалека доносился приглушенный смех водителей их авто. Он сказал им, чтобы они держались от палатки на приличном расстоянии, и пока что они его слушались.

— Тедди, — прошептала она.

Кончики ее пальцев скользнули по его щеке.

Он был так удивлен этим неожиданным прикосновением, что невольно вздрогнул.

— Скоро я назову тебе свое имя, — снова шепотом сказала она.

* * *

Затыкая уши пальцами, он чувствовал себя глупым мальчишкой. Он никогда в жизни не находился вблизи взрыва и просто не знал, чего ожидать.

А его прекрасная спутница не выказывала ни тени страха, глядя, как их люди с динамитными шашками в руках скрываются среди скал впереди них.

Перед ними лежал островок из острых спилей выветрившегося песчаника, которые словно образовывали редкую изгородь вокруг высокой насыпи из золотистого песка. Про археологические раскопки в Египте Тедди знал очень мало, практически только то, что во время раскопок на большой территории разбивают целую сеть больших и маленьких палаток. Но здесь никаких следов раскопок видно не было.

Они находились в двух днях езды от Каира, в каком-то богом забытом месте. Тем не менее она привела их сюда абсолютно уверенно, ориентируясь только по звездам. И теперь, когда их люди, подпалив кончики бикфордовых шнуров, бегом бросились врассыпную, тело ее напряглось, словно в ожидании наслаждения, если судить по ее вызывающей позе, близкого к сексуальному.

Он еще глубже затолкал пальцы в уши.

Рабочие на бегу тоже прикрыли свои уши ладонями.

От взрыва песок у них под ногами содрогнулся и в воздух взмыло облако дыма. А его компаньонка захлопала в ладоши. Она хлопала в ладоши и радостно улыбалась, как будто динамит обладал колдовской силой, такой же могущественной, как и та, которая, по ощущениям Тедди, исходила от нее самой.

Когда дым рассеялся, он увидел, что одну сторону песчаного холма словно сдуло. Открывшийся в камне проход был разворочен